

ВВЕДЕНИЕ

Начало XXI века предстает как время достаточно тревожное. И внешний для России мир, и мир внутривнутриполитический сотрясают информационные войны, масс-медиа представляют публике все более масштабные «угрозы» и «вызовы» с разных сторон. Очень сложно разобраться в наличии и действительных масштабах этих угроз, поскольку технологии манипуляции общественным мнением позволяют поменять местами причины и следствия, перевернуть «с ног на голову» факторы, поводы, силы и риски. Обратной стороной ощущаемой полуправды или прямой лжи о политике становится всеобщее недоверие ко всему и всем, подрывающее не только легитимность государственной власти и политиков, но и социальную ткань обществ.

Особые опасения и тревогу вызывают усиливающиеся ограничения основных прав и свобод граждан «в целях противостояния международному терроризму и экстремизму» во имя «безопасности граждан». Экстраординарные внутривнутриполитические меры по обеспечению безопасности граждан предпринимаются в самых разных государствах, включая западноевропейские. Г. Баум описывает эту тенденцию так: «Свобода граждан все больше выхолащивается. Мы становимся свидетелями и в то же время жертвами ползучей эрозии основных прав» [Баум 2015: 9]. Конфликт между главным правом человека – правом на свободу, и стремлением к безопасности является в настоящее время испытанием даже для развитых демократических стран. Однако этот же конфликт для политик, где принципы демократии, конституционализма, прав и свобод человека и гражданина до сих пор оставались не вполне реализованными, становится не просто вызовом. Конфликт между свободой и безопасностью вызывает в таких странах весьма противоречивые и, преимущественно, консервативные тенденции, поскольку их система управления начинает воспроизводить привычные, традиционные и даже архаичные способы, механизмы и технологии подчинения населения под прикрытием лозунгов о защите безопасности или ее аналогов – «порядка и стабильности».

Это касается и России нынешнего времени, население и часть интеллектуалов которой привычно уклоняется от спокойной рефлексии над советским прошлым, от рационального осмысления политической реальности. Общество пребывает в состоянии апатии и нежелания проработать это прошлое, дать критическую оценку достижений и провалов, заслуг и

преступлений политических и государственных деятелей советского времени, неготовности признать собственную причастность к этим преступлениям и ответственность за них. Однако инерция массового сознания дополняется еще и целенаправленным конструированием политических мифов и стереотипов мышления и поведения, осуществляемым государственной пропагандой. Массовое сознание легко заполняется мифами «о Великой державе», «о Сталине», о Великой Отечественной войне, установками на возврат к «традиционным ценностям русской культуры», стереотипами «об особом пути России», поисками внешнего и внутреннего врага, трактовками демократии, конституционализма, прав и свобод гражданина как «тлетворного влияния Запада», архаичными представлениями о патриархальном государстве и его главе.

В целях «защиты безопасности граждан» предпринимаются превентивные меры по укреплению государства, для чего все большие доли бюджета направляются на содержание силовых структур и органов принуждения. За мнимое увеличение безопасности население расплачивается уменьшением свободы, то есть скрытым демонтажем прав и свобод граждан. Даже Конституция РФ (1993) периодически подвергается критике со стороны представителей органов государства и некоторых должностных лиц. Следовательно, под ударом оказываются основополагающие принципы конституционализма, связанные с представлением о том, что именно политическая общность граждан составляет народ как источник государственной власти и суверенитета. Параллельно все более обнажается «традиционное» – полицейское, подозрительное отношение государства к собственным гражданам.

Сложность описания феномена российского гражданина состоит в том, что существует политическая и юридическая форма, фиксируемая наименованием данного феномена, но наполнение ее, или содержание данной формы, то есть все аспекты онтологии российского индивида отличаются принципиальным несоответствием данной форме. В этом смысле можно говорить о некой «игре» формы и содержания, об их меняющемся соотношении, вплоть до несоответствия между политическим и юридическим термином «гражданин», в законодательстве в основном соответствующем западноевропейскому феномену, и содержанием, реально скрывающимся за данной формой, то есть совокупностью аспектов, свойств, внутренних процессов, связей, противоречий и тенденций, которые только и могут служить основой качества феномена «гражданин». Лишь совокупность аспектов – социального, политического, экономического, культурного, идеологического и т.д., и образует целостность феномена «гражданин», создавая условия и возможности рядовому человеку

быть членом гражданского общества, активной стороной отношения индивид-государство, лицом, обладающим правом участия в управлении государством, в качестве единицы образующим политическую общность граждан – народ (нацию) как основу государства и носителя государственного суверенитета. Гражданин – юридическая и политическая форма, предназначенная для включения индивида в гражданское общество и нацию как основу национального государства. Фундаментальным фактором, детерминирующим историческое формирование феномена гражданина и его актуальное существование, является развитое местное самоуправление, без него невозможно и становление гражданского общества. Таково нормативное положение, характерное для западноевропейской политической мысли Модерна.

Каково происхождение российского несоответствия формы реальному содержанию феномена гражданина, формы, которая призвана служить способом существования и выражения содержания? Форма может опережать развитие содержания, быть порождением утопических или идеологических представлений сознания элиты и массы. Форма может быть целенаправленно сконструирована как элемент идеологии, созданный в результате заимствования тех или иных элементов. Единство политической формы и содержания в данном случае относительно. Содержание многообразно, в нем могут доминировать либо динамичные составляющие, либо инерционные, форма же фиксирует устойчивые связи и отношения. Однако в сфере политики вероятна такая ситуация, когда фактическая, то есть складывающаяся более или менее естественно, форма может целенаправленно подменяться или замещаться идеологической конструкцией. Содержание, то есть совокупность связей, отношений, процессов в конкретной области социальной жизни, нуждается в адекватной форме и требует ее установления. Однако адекватная форма устанавливается в конечном итоге. Взаимоотношение формы и содержания в каждом случае исторически конкретно, контекстуально. Определение соотношения содержания и формы в политическом мышлении и поведении – сложная проблема, которая решается в зависимости от интересов представителей политической элиты и является результатом их субъективного выбора. Поэтому форма может быть неадекватной фактическому содержанию, может исказить его в разной степени. Отсюда острота проблемы несоответствия наименования (термина, понятия), обозначающего форму, фактическому содержанию явления (процесса, института). Такое несоответствие для истории России не новость.

Именно с октябрьских событий 1917 г., в зависимости от идеологических предпочтений, именуемых либо революцией, либо государствен-

ным переворотом или захватом власти, то есть с начала установления власти большевиков, возник этот разрыв между формально-юридической стороной феномена «гражданин» и содержательной, реальной. Последняя нам представляется совокупностью условий, факторов и реальных практик осуществления принципов и норм, закрепленных за юридической формой. Сказанное определяет необходимость подробного и обстоятельного исследования эволюции и трансформации реального содержания гражданства в России, анализа преемственности института гражданства РФ по отношению к соответствующему институту советского времени, выявления специфических отличий этих институтов. Проблема заключается в том, приобрел ли институт гражданства РФ качественно иной характер по сравнению с советским гражданством, насколько продвинулись мы в сторону гражданства как «двустороннего отношения гражданина и государства», как это сформулировано в «Законе о гражданстве РФ» (1992)? В нашей книге схематично представлено главное – отсутствие принципиального, сущностного соответствия юридической и политической формы «гражданин» ее онтологическому содержанию. Противоречие между формой и содержанием или, по крайней мере, их несоответствие, а возможно, целенаправленная подмена реальности термином, принятым в развитых странах, – вот главная характеристика феномена советского гражданина и института гражданства. Наше исследование сначала предполагает, а потом показывает, что это несоответствие воспроизводится сегодняшним российским государством. Однако нельзя утверждать, что характер современного феномена гражданина и института гражданства в России исчерпываются воспроизведением советских традиций.

И. Валлерстайн писал, что в эпоху сталинского правления в СССР произошло восстановление Российской Империи, а также был осуществлен поворот от идей мировой революции к идее построения социализма в отдельно взятой стране. Этим определялась и геополитика в СССР, в которой произошла смена курса на совершение пролетарской революции в индустриально развитых странах на курс антиимпериалистической борьбы в колониальных и полуколониальных странах мира [Валлерстайн 2004: 19]. Восстановление имперских основ государственности в СССР означало, что и в сфере фактических отношений индивида и государства были приняты не принципы гражданства, а скрытно воспроизведены принципы подданства в его архаическом виде. Произошел откат от достижений Февральской революции и возврат к монархическому подданству, отягощенному дифференцированными – квазисословными отношениями разных групп населения и государства. Термины же «гражданство» и «гражданин» служили, как и вся советская идеология и все советские конститу-

ции, лишь способом легитимации власти партноменклатуры внутри страны, а также средством создания внешнеполитического образа страны, инструментом демонстрации «преимуществ социализма».

Анализ института гражданства через определение границы гражданства и практик, предпринятый Э. Лором, помогает понять, в какой степени современное российское гражданство унаследовало черты советского гражданства. Э. Лор исследует институт гражданства с помощью понятия «граница гражданства», которое он определяет как «область взаимодействия граждан и притязаний их государства на суверенитет» [Лор 2017: 8]. Он осуществляет анализ границы общности людей, составляющей государство. Данный исследователь рассматривает основные элементы, ставшие традицией российского и советского гражданства, унаследованной современной Россией, выделяет существенные характеристики советского гражданства. Советское гражданство соединяет в себе новое и старое: оно пришло на смену подданству Российской Империи и подданству буржуазной республики Временного правительства и внесло новые идеологические принципы – классовую основу гражданства и новаторское решение женского вопроса. Одновременно с этим большевистская власть «вернулась к дореформенным процессуальным нормам, связанным с подданством» [Лор 2017: 220]. Речь идет о реформах 1860-х годов. Взяв термин гражданства номинально, большевики отвергли его содержание как системного политического феномена, связанного с осуществлением правового государства, принципов верховенства права, равенства членов государства в правах и обязанностях и других. Была создана административная система, основанная на дифференциации прав и обязанностей в зависимости от социального (классового) происхождения, а значит, на лишении миллионов людей прав гражданства. Идеология рассматривала «лишенцев» в качестве врагов государства и граждан, а на практике их статус определялся исключительно обязанностями.

Основным принципом советской политики гражданства, начиная с конца 1920-х годов, было обеспечение функционирования авторитарного государства. Уже в ходе Гражданской войны наметился огромный разрыв между идеологическими лозунгами, с одной стороны, и политической практикой гражданства, применяемыми технологиями и процедурами. Главной установкой отношения НКВД к въезжающим было подозрение. Оно материализовалось во множество юридических и иных процедурных препятствий для получения гражданства – регистрации, чрезвычайного контроля над иностранцами, мерах уголовного преследования, предписываемых в секретных инструкциях НКВД, арестах и казнях «подрывных элементов» в годы Гражданской войны.

Советский подход к гражданству состоял в «лишении прав гражданства при сохранении обязанностей и самого статуса гражданина», то есть в создании некоей новой формы советского подданства [Лор 2017: 252]. Реализация данного подхода привела к разделению населения на полноправных граждан и лишенцев. В статусе последних в соответствии с меняющимися решениями ВКП(б) могли оказаться торговцы, духовенство, лица, использующие наемный труд, бывшие дворяне, бывшие полицейские, душевнобольные, этнические меньшинства, семьи, кланы и т.д. В определенной мере можно говорить о воспроизводстве советскими властями дореформенных имперских традиций формирования разных наборов прав и обязанностей для разных групп населения.

Еще одной характерной чертой советского гражданства было соотношение союзного и республиканского гражданства, юридически оформленного по принципу «двуединства советского гражданства». Юридическая неоднозначность парадоксальным образом сочеталась с фактически однозначным и жестким контролем политики гражданства со стороны ОГПУ и НКВД, которые принимали важнейшие решения, определяли стратегию в этой сфере и осуществляли тайный контроль над населением. Выход из гражданства (денатурализация), например, для лиц, временно находящихся на территории советского государства, оказался под запретом. В этом смысле советское гражданство, нормы осуществления которого реально заданы полицейским контролем ОГПУ и НКВД, фактически являлось захватом любого человека, оказавшегося на данной территории, в своего рода плен. Целью же этих действий являлось наделение индивида обязанностями перед государством и лишение прав.

В конце 1920-х годов советское руководство встало на путь изоляции, который проводился весь период существования Советского Союза. Данное обстоятельство в значительной степени определило особенности советской модели гражданства. Главной из особенностей было не столько ее стремление к отсутствию иностранцев или двойного гражданства, не столько полная герметичность государства, сколько полный полицейский контроль над людьми, даже соответствующими классово-идеологическим критериям обладания статусом советского гражданина. Такой контроль позволял использовать их в качестве рабочего материала государства, разными способами принуждать к выполнению обязанностей, наложенных госпартноменклатурой. Никакие послабления в виде предоставления государством гражданам некоторого минимума прав (на здравоохранение, образование и т.д.) не изменит сути этой модели – полицейского подхода, низкой оценки жизни, вечного подозрения и неуважения органами госу-

дарства и должностными лицами достоинства собственных граждан. Политическая система современной России, после нескольких лет открытости миру, стремления к политической и иной модернизации, вновь демонстрирует поворот к изоляционизму...

***

В основе представлений о гражданине и гражданстве в отечественной политической науке лежит западноевропейская парадигма эпохи Модерна. Концепция гражданина в рамках этой парадигмы включает два аспекта его существования: в качестве объекта государства – подданного, пассивного члена политического сообщества, и в качестве политического актора, обладающего полноправным членством, конституционными правами участия в управлении государством. Современная концепция гражданства и гражданина формировалась на основе идей Т. Маршалла, который анализировал влияние концепции прав гражданина на структуру социального неравенства [Marshall 1973]. Эволюция института гражданства в западноевропейских странах на протяжении XIX–XX веков шла под воздействием двух противоречивых процессов: расширения объема прав индивидов, признаваемых гражданами, и распространения гражданства на новые категории населения (низшие классы, женщин). Т. Маршалл представил анализ первого процесса через динамику трех компонентов гражданства: 1. собственно «гражданского» (civic – основные личные права и свободы), 2. политического (право голоса и участие в принятии политических решений) и 3. социального (права на безопасность и социальную поддержку) [Marshall 1950: 83]. Первоначально эти компоненты гражданства были обособлены, но в XX в. все три группы прав были объединены в единый гражданский статус. В странах Западной Европы и США гражданство стало уравнивающим механизмом, сглаживающим противоречия, вызванные неравенством, связанным со становлением капиталистических отношений и системы представительной демократии.

В связи с трансформацией модели национального гражданства под влиянием транснационализации, глобализации и локализации, в 1980–1990-е годы развернулась дискуссия среди последователей и критиков концепции Т. Маршалла [Alexander 1998; Barbalet 1988; Bendix 1996; Riedel 1972–1995; Somers 1995; Turner 1986]. Обсуждались разные аспекты проблемы – соотношение феноменов и понятий нации, гражданства, национальной идентичности, национализма [Хабермас 1995; Хантингтон 2004; Хобсбаум 1998; Хьюбер 2006]. Анализируя режимы гражданства разных стран, эти авторы развивали представления о гражданстве, о специфическом соотношении трех групп прав в структуре гражданства в за-

висимости от политического контекста. Представители отечественной политической науки, продолжившие данную дискуссию, акцентировали внимание на проблеме специфики эволюции гражданства в европейских и российских условиях, анализе концептуальных основ современного гражданства [Межуев 2004], на понятиях политической культуры [Малинова 2004], корпоративного гражданства [Перегудов 2004] и других.

Обобщая концепцию гражданства Т. Маршалла, В.С. Малахов выделяет два аспекта в осмыслении данного феномена: 1) гражданство как подданство, то есть «отношение между властным центром и индивидом, находящимся под его юрисдикцией», порождающее обязанности индивида перед государством и его права, и 2) гражданство как участие, когда гражданин имеет право на участие в жизни политического сообщества [Малахов 2011].

Одним из участников обсуждения стал Б.Г. Капустин, сторонник нормативно-ценностного подхода. Он видел главную проблему не в эволюции государственного института гражданства, а в становлении гражданина как члена гражданского общества. Последнее он рассматривал в качестве «формы производства политической субъектности» [Капустин 2011: 140] и концентрировал внимание на субъективной стороне гражданства, то есть на гражданственности. Б.Г. Капустин вслед за Д. Хитером и другими авторами рассматривает гражданство в качестве сложного феномена, включающего «кластер значений»: 1) «легальный и социальный статус»; 2) «признаки политической идентичности»; 3) «фокусировка культурной и политической лояльности»; 4) «требование исполнения обязательств (долга) и ожидание исполнения прав»; 5) «мерило правильного или одобряемого поведения в обществе». При этом сам Б.Г. Капустин акцентирует тесную связь «гражданства» и «гражданского общества» [Капустин 2011: 53-54].

Дискуссию о гражданстве мы восприняли как необходимость осмысления выявленных противоречий и задачу интеграции основных аспектов феномена гражданина. Присоединяясь в основном к положениям теории Маршалла, мы будем придерживаться понимания гражданства как институциональной основы феномена гражданина. Гражданство как подчинение (статус принадлежности, подданство) и гражданство как власть (господство, активность, участие) составляют два предельных значения и измерения данного понятия. Политическая культура, или добродетель гражданина в данном случае определяет конкретное наполнение (возможность реализации) этих двух значений или типов отношения государства и гражданина. Каждое из этих основных измерений гражданства предполагает специфику таких характеристик гражданина, как политическая куль-

тура, политическая идентичность, политическая лояльность и политическая активность (деятельность, участие). Резюмируя все эти значения, можно сказать следующее. Гражданство как подданство – это статус индивида в традиционных обществах, в современных государствах он становится своего рода «нижним», предшествующим уровнем статуса гражданина. Именно с ним связаны а) подданническая политическая культура, б) предписываемая, вытекающая из формального политико-правового статуса политическая идентичность, в) пассивная политическая лояльность как ощущение принадлежности и подчинения государственной власти и г) пассивная политическая деятельность (поведение). Гражданство как политическое участие включает в себя (или надстраивается над) гражданство как подданство, но предполагает другое качество отношений гражданина и государства. В этом случае на основе формального статуса гражданина формируются иная – а) гражданская политическая культура, б) гражданская политическая идентичность, выбираемая индивидом самостоятельно, на основе субъективного опыта и личностных политических установок и убеждений, в) активная лояльность государству и г) активная политическая деятельность (гражданское участие).

Целью этого исследования является осмысление исторических – институциональных и культурных – факторов, детерминирующих процесс формирования и наличного бытия феномена гражданина в России. Эта цель достигается посредством предварительного решения следующих основных задач: 1) анализа состояния теории и методологии зарубежных и отечественных политологических исследований проблемы существования гражданина; 2) погружения авторской теоретической модели в российский исторический и социокультурный контекст; 3) выявления факторов, создающих объективные и субъективные, институциональные и ментальные предпосылки и условия формирования и существования феномена гражданина в России.

Общая логика и содержание представляемой монографии раскрывается следующим образом. В первой главе книги обоснована практическая и теоретическая актуальность проблемы становления и бытия гражданина в России. На основе анализа исследований феномена гражданина и института гражданства в зарубежной и отечественной политической науке выделены основные теоретические подходы к исследованию проблемы и представлен авторский вариант теоретико-методологических основ синтеза многообразных аспектов феномена гражданина. Возможность решения проблемы автор связывает с методологией социокультурного подхода. Путем выявления и анализа типологических черт западноевропейского гражданина эпохи Модерна автором была создана теоретическая модель

гражданина. Методология конструирования данной модели строится на основе синтеза методов социального конструирования реальности, структурного функционализма, неоинституционализма, культурной антропологии, семиотики и других подходов. Структура модели включает институциональное, ценностное (ментальное) и личностное измерения, которые конкретизируются с помощью структурно-семантического каталога бинарных оппозиций: *свои/ чужие, эгалитарное/ элитарное, публичное/ частное, вовлечение/ исключение, участие/ неучастие, организация/ самоорганизация* и других. Центральной проблемой главы является определение специфики исторического становления гражданина и степени развития гражданина в современной России. В целях погружения теоретической модели гражданина в российский историко-культурный контекст было проведено исследование эволюции и содержания концептов «гражданин», «личность», «государство» в российской политической культуре, а также проанализированы основные исторические типы политико-правовой связи индивида и государства в России.

Во второй главе теоретическая модель гражданина используется в качестве инструмента определения реального статуса индивида в современной России путем исследования степени реализации прав и свобод гражданина. Для этого рассмотрены институциональные условия существования российского гражданина, параметры которых тестируются с помощью структурно-семантического каталога бинарных оппозиций. Осуществлен анализ действующего политического порядка в России, показаны возможности существования каждого россиянина в качестве частного и публичного лица, определена степень обособленности частной и публичной сфер общества, выявлено соотношение свободы и равенства в политических и правовых институтах и практиках.

В главе третьей было проведено исследование российской специфики выражения ментального и личностного измерений теоретической модели гражданина. Конкретизации этой задачи служило рассмотрение культурно-исторических основ ментальности современных россиян, влияния православия и других факторов на формирование личности в России, сопоставление политической культуры и массового сознания россиян, с одной стороны, и официального дискурса – с другой. Исследован также уровень самосознания и восприятия массовым гражданином собственного места в публичном пространстве, осознания гражданами степени признания их достоинства со стороны общества, органов государства, должностных лиц. Выявлено также, что в современной российской политической культуре сохраняются следы мифологического сознания, архетипические символы; в массовой культуре, пропаганде и других технологиях, исполь-

зуемых в современной российской политике, воспроизводятся образы, типичные действия героев и сюжеты русской сказки.

В главе четвертой показаны пределы политической активности современных российских граждан, заданные социально-экономическим, правовым и политическим порядком, политической культурой, механизмами политической социализации. Эти пределы выражаются в низком уровне политического участия россиян и периодически возникающих протестах как реакции общественности на те или иные меры государственной политики и на политический порядок в целом.

Проблему полноты реализации формального статуса гражданина, то есть наполнения юридической и политической формы «гражданин» реальным содержанием в условиях наличного политического порядка в России можно анализировать с разных позиций. С точки зрения доминирующего официального дискурса и формально-юридического подхода в России установлен институт гражданства, следовательно, все лица, которых по закону о гражданстве можно признать гражданами, таковыми и являются. Но если задаться вопросом о неформальных условиях и возможности реализовать роль гражданина в России для массы населения, то картина будет не столь однозначной и оптимистичной. Поиску ответа на этот вопрос и посвящена книга.

Автор выражает признательность научным рецензентам – доктору философских наук, профессору НИУ ВШЭ О.Ю. Малиновой, доктору политических наук С.В. Мошкину и доктору политических наук, профессору О.Ф. Русаковой, а также всем сотрудникам отдела философии Института философии и права УрО РАН за поддержку, заинтересованное обсуждение и высокую оценку данного исследования. Особая благодарность Е.М. Олову за техническую помощь при подготовке книги.

Литература

Баум Г. (2015). Спасти права граждан. М.

Валлерстайн И. (2004). Конец знакомого мира. Социология XXI века. М.

Капустин Б.Г. (2011). Гражданство и гражданское общество. М.

Лор Э. (2017). Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу. М.

Малахов В.С. (2011). Гражданство как объект социальной и философской теории: критическое введение // Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. М.

Малинова О.Ю. (2004). Гражданство и политизация культурных различий // ПОЛИС. № 5.

Межуев Б.В. (2004). Постколониальный переход и «транснационализация» гражданства // ПОЛИС. № 5.

Перегудов С.П. (2004). Транснациональные корпорации на пути к корпоративному гражданству // ПОЛИС. № 3.

Хабермас Ю. (1995). Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность : Московские лекции и интервью. М.

Хантингтон С. (2004). Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.

Хобсбаум Э. (1998). Нации и национализм после 1780 г. СПб.

Хьюбер Дж.Д. (2006). Два взгляда либеральной демократии на конгруэнтность граждан и политиков // Теория и практика демократии. М.

Alexander J. (1998). Civil Society I, II, III: Constructing an Empirical Concept from Normative Controversies and Historical Transformations // Real Civil Societies: Dilemma of Institutionalization. London.

Barbalet J.M. (1988). Citizenship : rights, struggle, and class inequality. Minneapolis.

Bendix R. (1996). Nation-building and citizenship : studies of our changing social order. New Brunswick.

Marshall T.H. (1950). Citizenship and Social Class and Other. Cambridge.

Marshall T.H. (1973). Class, citizenship, and social development. Westport.

Riedel M. (1972–1995). Buerger, Staatsbuerger, Buerkertum // Geschichtlighegrundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Bd. 2. Stuttgart.

Somers M.R. (1995). Narrating and Naturalizing Civil Society and Citizenship Theory: The Place of Political Culture and the Public Sphere // Sociol. Theory. Vol. 13, № 3.

Turner B.S. (1986). Citizenship and Capitalism: the Debate over Reformism. London.